

Автор определяет вид производства как «порядок рассмотрения предусмотренных в законе и соединенных в определенные группы гражданских дел в суде первой инстанции, обусловливаемый материально-правовой природой дел, входящих в группу, и характеризующихся самостоятельными средствами и способами защиты прав и интересов, а также вытекающими из этого особенностями судебной защиты». В настоящее время ученые-процессуалисты едины во мнении, что вид гражданского производства – это порядок производства, но только в отношении в определенной части, т. е. определенной совокупности гражданских дел. Однако критерии для обособления того или иного порядка производства предлагаются самые различные. Из всех перечисленных нами мнений общепризнанным считается следующее – критерием деления гражданского процесса на виды является различная материально-правовая природа дел, которая и влияет на порядок их рассмотрения и разрешения. Эта позиция явилась концептуальной основой законодательного обособления тех видов производств, которые перечислены в настоящее время в ст. 8 ГПК. Однако, по мнению многих ученых-процессуалистов, данный критерий перестал быть единственным и универсальным.

Выводы: в процессуальном законодательстве четко сформировались, а в теории прочно утвердились три вида гражданского судопроизводства: исковое, особое и производство по делам, возникающим из публичных правоотношений; произошла дальнейшая дифференциация гражданского судопроизводства, связанная с его упрощением, которая привела к возможности выделения приказного производства в качестве самостоятельного вида; современное состояние норм об исполнительном производстве привело к пониманию его не как завершающей стадии гражданского процесса, а как вида гражданского судопроизводства; в теории не существует единых подходов в определении критериев для деления судопроизводства на виды.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ СУДА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю. В. Прокопенко, Белорусский государственный университет

Исполнение решений суда, вынесенных по делам о защите прав на объекты интеллектуальной собственности (далее – **ИС**), имеет ряд особенностей, что объясняется особенностью самих объектов **ИС**, а также теми способами защиты, которые истец просит применить суд для защиты своего нарушенного права. Интерес, на наш взгляд, представляют решения суда, запрещающие ввоз в Республику Беларусь товаров, на которых используется товарный знак, принадлежащий другому лицу. Логично, что исполнять такие решения должны таможенные органы, однако ни

таможенным, ни процессуальным законодательством не определен механизм направления судом решения таможенным органам и исполнения решения суда таможенными органами, а также порядок контроля за их исполнением. Таможенным законодательством предусмотрен порядок применения мер по защите прав на объекты ИС, осуществляемых, однако, на основании заявления правообладателя, но не решения суда (гл. 46 Таможенного кодекса таможенного союза, гл. 12 Таможенного кодекса Республики Беларусь). После рассмотрения заявления правообладателя Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК) принимает решение об осуществлении таможенными органами мер по защите прав на объекты ИС, что является основанием для включения объекта ИС в таможенный реестр объектов ИС.

В целях соблюдения принципа обязательности судебных постановлений (ст. 24 ГПК), обеспечения исполнения такого рода судебных решений, и как следствие, восстановления и обеспечения прав законных правообладателей целесообразно, на наш взгляд, во-первых, прямо определить в процессуальном законодательстве таможенные органы в качестве органов, не участвующих в деле, для которых обязательны судебные постановления (по аналогии с органами, о которых идет речь в ст. 540 ГПК) со всеми следующими из этого последствиями, в том числе оправданно закрепить порядок направления копии решения таможенным органам и срок для совершения последними необходимых действий. Во-вторых, в таможенном законодательстве целесообразно предусмотреть норму о том, что вступившее в законную силу решение является основанием для включения объектов ИС в таможенный реестр объектов ИС. При этом, на наш взгляд, наличие у таможенных органов копии решения суда будет являться достаточным основанием для включения объекта ИС в соответствующий реестр, принятие же решения ГТК об осуществлении мер по защите объектов ИС в этом случае представляется излишним.

Говоря об особенностях исполнения решений по делам о защите прав на объекты ИС, следует отметить, что иногда даже полное исполнение предписываемых судом действий не приводит к полному восстановлению нарушенных прав. Например, арест и уничтожение товаров, на которых незаконно использовался товарный знак, не восстановит деловую репутацию законного владельца товарного знака в глазах тех лиц, которые приобрели соответствующие товары. На наш взгляд, в Республике Беларусь данная проблема частично может быть решена в том случае, если лицом, чье право нарушено, в качестве способа защиты избирается такой предусмотренный ст. 989 ГК способ, как обязательная публикация о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право. Однако порядок исполнения таких решений законодательством также не установлен. По нашему мнению, в таких случаях в резолютивной части решения обязательно должно ука-

зываться, в каком средстве массовой информации, в какой срок, а также за счет каких средств (надо полагать, что в таком случае расходы по опубликованию должны ложиться на правонарушителя) необходимо произвести публикацию. Данные положения было бы целесообразно закрепить на уровне ГПК или, по крайней мере, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

ЛОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ СТОРОН В СУДЕ

О. С. Шевелева, Белорусский государственный университет

В перечне средств доказывания, содержащемся в ч. 2 ст. 178 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), объяснения сторон расположены на первом месте. По мнению многих ученых-процессуалистов, это не случайно. Именно сторонам как очевидцам, непосредственным участникам обсуждаемых в судебном процессе событий лучше, чем кому-либо, известны те факты, которые суд должен установить. Несмотря на все перечисленные положительные свойства, при использовании объяснений сторон возникают проблемы, связанные с обеспечением их достоверности. По мнению ученого И. Р. Медведева, суть данной проблемы состоит в том, что, с одной стороны, объяснения сторон закреплены в законе как самостоятельное доказательство, с другой – подобное закрепление носит, по существу, декларативный характер, поскольку суды ориентируются на объяснения сторон в последнюю очередь или не ориентируются вовсе.

ГПК прямо не закрепляет обязанность стороны говорить правду в суде. Такую обязанность можно вывести из анализа ряда норм ГПК, в частности ч. 2 ст. 56, ст. 138, 139 ГПК. Вместе с тем мы согласны с теми процессуалистами, которые полагают подобную регламентацию явно недостаточной. Наибольшую сложность представляет выбор мер (юридических приемов), которые обеспечивали бы достоверность объяснений сторон. В качестве таких мер в юридической литературе называют:

1. Клятва. Сознание современного человека, в большинстве случаев воспринимает клятву и присягу лишь как словесные ритуальные акты. Возникает вопрос: является ли клятва, принесенная свидетелем в суде, с точки зрения закона, актом, «связывающим его сознание» и обязанностью говорить правду?

2. Меры гражданской процессуальной ответственности. Статья 139 ГПК напрямую относит ложные объяснения сторон к недобросовестным действиям, за которые следует предусмотреть санкции в виде взыскания судебных расходов. Данные меры должны быть более четко и полно регламентированы.

3. Меры административной ответственности. Говоря о данных мерах, на наш взгляд, следует обратиться к ст. 24.1 КоАП Республики Беларусь, которая закрепляет положение о неуважении к суду. Полагаю, не-